АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В СИСТЕМЕ ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Около 150 древних поселений разной величины, зарегистрированных в низовьях старой дельты реки Мургаб на юге Туркменистана и датированных периодами средней и поздней бронзы, а также несколько синхронных памятников, обнаруженных в приамударьинских районах на севере Афганистана и на юге Узбекистана, дали впечатляющий материал для новой версии начала истории архитектуры этого региона мира. Все найденные поселения принадлежат Бактрийско-маргианскому археологическому комплексу (БМАК), часто именуемому также «Цивилизацией Окса», и входили в состав микрооазисов — так называемых номов, если следовать месопотамской традиции. В некоторых из них присутствуют явные признаки административных и культовых центров, резко контрастирующих с окружающей бытовой застройкой. Археологи, открывшие и раскопавшие эти объекты, наметили векторы влияний и обозначили процесс эволюции местной строительной практики. Была также предпринята попытка выявить заимствования из протоиндийской цивилизации, Месопотамии и сиро-анатолийского мира. Уточнялась степень проникновения элементов БМАК в античную и средневековую архитектуру Ирана и Центральной Азии. Тем не менее вопросов здесь больше, чем ответов. В статье представлен обзор изученных сооружений, позволяющий увидеть вероятные истоки основных архитектурно-планировочных принципов, распространенных на означенной территории в доахеменидский период.

Генезис БМАК — тема дискуссионная, и пока можно лишь предполагать, кем были носители этой бесписьменной культуры, откуда они пришли, какие образы служили эталонами в их строительной деятельности. Как бы то ни было, мы имеем большой фактический материал, который слабо представлен в историографии архитектуры Древнего мира и должен быть рассмотрен в техническом, функциональном и социальном аспектах. Попытка наметить контуры такого исследования, решающего проблемы интерпретации остатков монументальной архитектуры, предпринята в настоящей статье.

Самобытность бактрийско-маргианской архитектуры определяет совершенно новый тип сооружений, которого не было прежде. Это «крепости», чьи планировочные схемы в виде квадрата или прямоугольника с прямоугольными или круглыми башнями на углах и по периметру стен, а также с круглым планом отличаются от более ранних энеолитических структур четким построением геометрических форм, стремлением придерживаться правил симметрии. Такие схемы получили самое широкое распространение несколько веков спустя, когда другие уникальные формы материальной культуры БМАК (керамика, глиптика, мелкая пластика и др.) были совершенно забыты. И только в архитектуре последующих эпох — от восточного эллинизма до вернакуляра XIX в. — продолжал воспроизводиться древний фортификационный канон.

Все упомянутые в статье памятники наглядно свидетельствуют о зарождении монументальности в архитектуре раннеземледельческих цивилизаций, оказавшихся на периферии древневосточного мира и не знавших прежде ни такой масштабности, ни такого геометризма. Это стало возможным в результате глубоких изменений в социальной жизни местных сообществ, которые накопили материальные ресурсы и идеологический капитал для осуществления беспрецедентных по объему строек. Монументальность как формальное свойство элитных резиденций и религиозных зданий стала выражением культурной мутации, происходившей в процессе включения Бактрии и Маргианы в обширную сеть межрегиональных контактов. Репрезентативная архитектура БМАК была самобытной новацией на рубеже III-II тысячелетий до н.э. и сошла со сцены, оставив после себя угасшие храмы, которые сменились укрепленными сооружениями дворцового типа. Сама эта цивилизация исчезла, когда единство условий, предопределявших ее существование, было нарушено. Жречество как особая каста частично потеряло свое прежнее высокое положение, хотя явно привнесло старую символику и традиции в преемственный цикл развития монументальной архитектуры Центральной Азии в раннем железном веке и значительно позже.

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха бронзы, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, репрезентативная архитектура, монументальность

R.G. Muradov

THE ARCHITECTURAL PHENOMENON IN THE SYSTEM OF THE FIRST CIVILIZATIONS

About 150 ancient settlements of different sizes, recorded in the lower reaches of the old delta of the Murgab River in southern Turkmenistan and dated to middle and late Bronze Age, as well as several contemporaneous monuments found in the Amur-Darya regions in northern Afghanistan and southern Uzbekistan, supplied impressive material for the new version of the beginning of the history of architecture in this region of the world. All the settlements found belong to the Bactrian-Margiana archeological complex (BMAK), often also called the Oxis Civilization, and were part of the micro-oases, the so-called noms, according to the Mesopotamian tradition. In some of them there are clear traces of administrative and religious centers, in sharp contrast to the surrounding residential buildings. Archaeologists who discovered and excavated these objects, outlined the vectors of influence and outlined the process of evolution of local construction practices. An attempt was also made to uncover borrowings from the Indus Civilization, Mesopotamia and the Syro-Anatolian world. The degree of penetration of the elements of the BMAK into the ancient and medieval architecture of Iran and Central Asia was clarified. However, there are more questions than answers. The article presents an overview of the structures studied, which makes it possible to see the likely origins of the main architectural and planning principles prevalent in the designated area in the pre-Achaemenid period.

The genesis of the BMAC is a debatable topic and so far one can only guess who the bearers of this pre-writing culture were, where they came from, what images served as benchmarks in their construction activities. Albeit, we have a large amount of factual material that is poorly represented in the historiography of the architecture of the Ancient World and must be considered in technical, functional and social aspects. An attempt to outline the contours of such a study, which solves the problems of interpreting the remnants of the monumental architecture, has been made in this article.

The originality of the Bactrian-Margiana architecture defines a completely new type of structure, which was not there before. These are "fortresses" whose planning schemes in the form of a square or rectangle with rectangular or round towers at the corners and along the perimeter of the walls, as well as with a circular plan, differ from the earlier Eneolithic structures by the precise construction of geometric forms, by the desire to adhere to the rules of symmetry. Such schemes became most widespread a few centuries later, when other unique forms of BMAK material culture (ceramics, glyptics, small works of plastic art, etc.) were completely forgotten. And only in the architecture of the subsequent epochs — from Eastern Hellenism to Vernacular of the 19th century did the ancient fortification canon continue to be reproduced.

All the monuments mentioned in the article clearly indicate the origin of monumentality in the architecture of early agricultural civilizations that turned out to be on the periphery of the ancient Eastern world and did not know any such scale and such geometricism before. This became possible as a result of profound changes in the social life of local communities, which have accumulated material resources and ideological capital for the implementation of unprecedented construction projects. Monumentality as a formal property of elite residences and religious buildings became an expression of a cultural mutation that occurred in the process of incorporating Bactria and Margiana into an extensive network of interregional contacts.

The representative architecture of the BMAK was a distinctive innovation at the turn of the III–II millennia BC and left the stage, leaving behind the dead temples, which were replaced by fortified palace buildings. This civilization itself disappeared when the unity of the conditions predetermining its existence was disrupted. The priesthood as a special caste partially lost its former high position, although it clearly introduced the old symbolism and traditions into the successive developmental cycle of the monumental architecture of Central Asia in the early Iron Age and much later.

Key words: Central Asia, Bronze Age, the Oxus Civilization, representative architecture, monumentality

В поясе древнейших городов Старого Света, между тропиком Рака и сороковым градусом северной широты¹, где

возникли очаги первых цивилизаций, находилась до сих пор загадочная древняя страна, а точнее — особая культур-

Тигра и Евфрата, Нила, бассейна Средиземного моря, а также в предгорьях Ирана и Сирии.

¹ Имеется в виду зона неолитизации в плодородных речных долинах Хуанхэ, Янцзы, Инда,

ная общность, оставившая в прямом смысле неизгладимый след в архитектурном ландшафте Центральной Азии. Она стала известна науке благодаря раскопкам последних десятилетий на территории трех современных государств: Туркменистана, Афганистана и Узбекистана. Признаки ее выявлены также в Иране, Пакистане и Таджикистане. Хронологические рамки существования этой культурной общности определены между 2500 и 1500 гг. до н. э. Даты, конечно, широкие и символические, принятые еще не всеми, но большинством исследователей и подтвержденные новыми открытиями и методами датировок, более совершенными, чем 20 лет назад (Франкфор 2014: 85-91).

Около 150 поселений разной величины зарегистрировано в низовьях древней дельты Мургаба в Южном Туркменистане и датировано периодами средней и поздней бронзы². Несколько синхронных памятников обнаружено в бассейне Амударьи на севере Афганистана и на юге Узбекистана. Вместе они дали чрезвычайно впечатляющий материал для новой версии истории архитектуры этого региона мира. Найденные поселения расположены в зоне двух исторических областей, которые известны как Бактрия и Маргиана по Страбону и другим античным географам. После раскопок, начатых в 70-е гг. ХХ в., стало очевидным, что задолго до Античности на этих землях уже существовали урбанизированные оазисы, тесно связанные между собой. Западные исследователи предпочитают называть их Цивилизацией Окса (Oxus civilization) — по античному названию Амударьи (*Там же*: 85). Однако основной исследователь этих памятников дал им гораздо более точное и емкое название: Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (*Сарианиди* 1977: 4–5)³. С тех пор это понятие прочно вошло в научный обиход, хотя продолжает подвергаться критике с точки зрения археологической систематики (*Массон* 2006: 74).

Если изученность маргианских поселений позволила составить их достаточно разработанную археологическую карту, определить местоположение едва ли не всех городищ, частично поглощенных Каракумами, то в Бактрии ситуация иная. До начала Афганской войны 1979-1989 гг. удалось исследовать только небольшой участок на левобережье Амударьи, а в Узбекистане после ущерба, вызванного интенсивной распашкой земель древнего орошения под хлопковые угодья во второй половине ХХ в., памятники сохранились лишь в нескольких изолированных местах. Это не дает возможности представить архитектуру древней Бактрии в таком же объеме, как по материалам Маргианы. Но и то немногое, что стало достоянием науки, позволяет сделать определенные выводы.

Архитектурные сооружения БМАК сконцентрированы в поселениях, входивших в состав микрооазисов — так называемых номов, если следовать месопотамской терминологии. В некоторых из них присутствуют явные признаки административных и культовых центров, резко контрастирующих с окружающей бытовой застройкой. В Маргиане выделено девять таких оазисов, названных по центральным поселениям: Келлели, Таип, Адамбасан, Аучин, Гонур, Тоголок,

² Они соответствуют периодам Намазга V и VI согласно общепринятой археологической стратиграфии по местному хронокультурному эталону, которым служит городище Намазга-депе в 100 км к востоку от современного Ашхабада (*Массон* 1989: 142–176).

³ Впрочем, введенная им в науку аббревиатура БМАК может быть расшифрована еще точнее: Бактрийско-Маргианская археологическая культура (*Кузьмина* 2008: 47).

Аджикуи, Тахирбай, Эгрибогаз (Сарианиди 1990: 4–5). В Бактрии, гораздо менее изученной, всего четыре, причем явно периферийных по отношению к бактрийскому центру БМАК, который так и не обнаружен: это Дашлы (Сарианиди 1976), Шерабад, Бандыхан и Шурчи (Аскаров 1977: 9–12). По социальной структуре обе части БМАК едва ли отличались от ранних деспотий Месопотамии, где царь и жрец, зачастую в одном лице, выступал и в роли главного строителя.

Остатки бактрийско-маргианской монументальной архитектуры, несмотря на их скудность, все-таки дают представление о строительных приемах, существовавших здесь в эпоху бронзы. Попытки выявить их истоки, сформулировать особенности характерных архитектурно-планировочных принципов и увидеть их преемственность в раннем железном веке и даже в позднем Средневековье уже предпринимались разными исследователями и нашли отражение в их публикациях (Сарианиди 1977; 1989; 1990; 1997; 2000; 2006; Масимов 1986; Hiebert 1994; Lamberg-Karlovsky 1994; 2007; Мамедов 2003; Huff 2001; 2005). Они наметили возможные векторы влияний и обозначили процесс эволюции местной строительной практики, дали общую оценку архитектуры БМАК. Была предпринята попытка определить реальный масштаб и степень заимствований из архитектуры месопотамского и сиро-анатолийского мира на развитие местных строительных традиций, уточнялась степень проникновения их элементов в античную и средневековую архитектуру рассматриваемого региона (Мамедов 2003: 78-118). Тем не менее вопросов остается больше, чем ответов. Прежде всего, они касаются проблемы происхождения БМАК. Современная археология и палеолингвистика пока еще далеки от ее решения. Можно лишь наблюдать, что распространение этой культуры сопровождалось заметными изменениями архитектурных традиций, уходящих корнями в очень сложные и малоизученные эпохи энеолита и ранней бронзы. Новации выразились в появлении принципиально иных форм организации пространства, резко отличающихся от строительной практики предшествующего периода в ареале БМАК.

До сих пор наиболее популярной остается гипотеза о том, что эта культура сложилась в результате миграции племен из предгорий Копетдага. Считается, что эти племена освоили пустующие равнины в Маргиане и Южной Бактрии, а также межгорье на юге Узбекистана. Эта теория давно стала предметом серьезной критики: «...важно учесть тот факт, что Средняя Азия не была пустыней до 2500 года, даже если состояние исследований таково, что мы знаем еще очень мало городищ. Сейчас можно без труда выявить "фазу формирования" цивилизации Окса и датировать ее примерно между 3000 и 2500 годами. Для этого мы располагаем кроме городищ близ Копетдага, таких как Намазга-депе, Алтын-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе и Геоксюр в дельте Теджена, также городищами Саразм (Таджикистан), Мундигак и Таликан (Афганистан) и даже Шахри Сохта в Иранском Сеистане» (Франкфор 2014: 91). Но раскопки в таких «протогородах», как Алтын-депе или Намазга-депе, никогда не производились в столь больших масштабах, чтобы были обнаружены достаточно монументальные здания, поэтому с ними трудно сравнивать. Однако открытия, сделанные в Саразме, расположенном в долине Верхнего Зеравшана, показывают, что уже в 3500-2500 гг. до н.э. архитектура демонстрирует тенденции к геометрической четкости, монументальности, использованию пилястров и т.д.

Точная функция большинства раскопанных памятников БМАК также является предметом споров. Еще не опубликованы полные данные, касающиеся обнаруженных в них находок и их точного положения в каждом помещении, поэтому любая интерпретация остается не более чем версией. Тем не менее, чтобы не создавать путаницы, я буду использовать в этой статье названия, которые присвоили объектам своих раскопок В.И. Сарианиди и другие археологи, т.е. «храм», «дворец», «форт», «алтарь», «теменос» и т.д.

Абсолютно все объекты сохранились в лучшем случае на уровне планировочных структур (ил. 1). Они относятся к категории археологических памятников, и это, естественно, очень усложняет проведение строго архитектурного анализа из-за отсутствия объемно-пространственных параметров. Тем не менее даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы увидеть продуманность планов, правильные геометрические формы, стремление к симметрии. Была даже предпринята попытка выявить модуль и наличие системы метрологии и пропорционирования в древней Маргиане (Рыльникова 1996).

Как и в Месопотамии шумеро-аккадского периода, все объекты БМАК были возведены из высушенных на солнце глиняных кирпичей разных форматов, имели прямоугольные помещения с плоскими перекрытиями, в отдельным случаях опиравшимися на деревянные колонны и балки⁴, хотя есть и признаки существования сводчатых перекрытий — возведенных методом «ложного свода», без кружал, над узкими и длинными кори-

дорами⁵. Применение жженого кирпича было крайне редким и далеко не в конструктивных узлах: для выстилки пола, облицовки подпольных сточных каналов или двухслойных рядов кладки в обводных стенах — встречены считаные экземпляры на Келлели 3, Аджикуи 1 и Гонур 1, многие из которых очень высокого качества (Оразов 2016: 228), Одни, с примесью самана, имеют достаточно четкий формат $46 \times 21 \times 12$ см, другие — из чистого теста с лощеной поверхностью — $34 \times 17 \times 6,5$ см. Качество сырцовых кирпичей во всех местах примерно одинаковое. Некоторые помещения были полностью покрыты раствором извести, но обычно полы и стены просто штукатурили глиной. Везде сохранились следы их мнократного ремонта. Стены смежных помещений, как правило, построены в перевязку, а не пристроены друг к другу, что указывает на изначальный общий план.

Высказывались предположения, что в эпоху БМАК практиковали и возведение куполов тем же бескружальным методом (Пугаченкова 1958: 219–220; Мамедов 2003: 111), на что могут указывать лишь квадратные планы некоторых помещений, а также круглые планы так называемых «алтарей» (ил. 2). Не исключено, что кольцевыми куполами были перекрыты круглые башни ряда бактрийско-маргианских крепостей (Huff

⁴ В полах некоторых помещений дворца Гонур-депе выявлены следы от деревянных колонн, поэтому вполне можно допустить существование и многоколонных залов.

⁵ Наличие «ложного свода», выполненного последовательным напуском рядов кладки до их смыкания, зафиксировано над прямоугольными и круглыми топочными камерами керамических печей в Намазга-депе. В публикациях отмечалось, что аналог этому своду дает гончарная печь в Уруке. По мнению Г.А. Пугаченковой, перекрытием обжигательной камеры служил, несомненно, купол. Сохранившиеся в Намазга-депе параллельные кольцевые ряды кладки выводились с постепенным свесом, т.е. опять-таки «ложным сводом» (Пугаченкова 1958: 219–220; Baimatova 2008: 144–148).

Ил. 1. Гонур-депе, фрагмент раскопок (вид сверху). Фото Г. Давтяна, 2009 г.

2001: 188-190). Наконец, немалый материал для гипотетической реконструкции сырцовых перекрытий дают погребальные сооружения. Примером служат цисты — массовый тип могильных сооружений Гонур-депе и Аджикуи (ил. 3). Это наземные кирпичные камеры прямоугольной формы со сводчатыми перекрытиями, хотя встречены и единичные подземные цисты (Дубова 2014: 331). Полусвод над ними может состоять из трех или пяти кирпичей. В замковой части такого полусвода устанавливался специальный кирпич трапециевидной формы. Между кирпичами свода вставляли крупные фрагменты керамических сосудов, что повышало арматурную прочность всей конструкции (Оразов 2016: 225).

Другой тип — камерные погребения некрополя Гонура, представлявшие собой уменьшенные копии реальных жилищ (Сарианиди 2006: 182, рис. 33). Их отличительной особенностью является наличие входов. Большинство камерных погребений не сохранили своих конструкций, но почти везде остались частично разрушенные своды, которые завалились вовнутрь. При раскопках дворца Гонура на полу найдены фрагменты деревянных балок, упавших с потолка. Кроме того, во многих местах находились следы коллапса ложных сводов над узкими коридорами и последующего укрепления стен контрфорсами и сырцовыми футлярами. При древних ремонтах такие своды частично заменялись деревянными перекрытиями.

Ил. 2. Гонур-депе, «алтарь». Фото Р. Мурадова, 2013 г.

Ил. 3. Гонур-депе, циста. Фото В.Саркисяна, 2005 г.

Самобытность бактрийско-маргианской архитектуры определяет совершенно новый тип сооружений в виде «квадратных крепостей», которого не было раньше, но который стал доминирующим в этом регионе в течение всех последующих тысячелетий, фактически до XIX в. (Lamberg-Karlovsky 1994). В.М. Массон писал, что «тип квадратных крепостей представляет принципиально новое явление», неизвестное на поселениях предгорной полосы Копетдага (Алтын-депе и др.), поэтому предполагал их появление под воздействием Хараппской фортификации (Массон 1979: 32-33). И такие протоиндийские поселения, как Калибанган и Суркотада, как будто дают основания для этого вывода, тем более что доказательства контактов с цивилизацией долины Инда в виде отдельных экземпляров керамики и глиптики сегодня есть. Но архитектура, согласно одной известной сентенции, в отличие от движимых памятников культуры, «не знает ни экспорта, ни импорта и потому наиболее прочно связана с родной почвой в буквальном и в фигуральном значении термина» (Пугаченкова 1971: 238). Действительно, «нельзя перенести храм или дом, как переносят сосуд, печать или статую» (Маргерон 1985: 109). Но даже если концепции построек и методы строительства в ареале БМАК были результатом каких-то иноземных заимствований, они тем не менее были преобразованы, адаптированы и объединены с автохтонными традициями.

Другой важный планировочный тип поселений БМАК — круглая крепость, выявленная пока только в Бактрии, но получившая развитие в ахеменидский период (Кутлуг-тепе в Фарукабадском оазисе, Атчапар 1 и 2 в Дашлинском оазисе Афганистана), причем и в Маргиане (Эрк-кала), и в правобережной части

Бактрии (Талашкантепа), и позже в течение кушанского периода. Нередко истоки круглых поселений-крепостей выводят из первобытных жилищ и еще более простых хозяйственных построек с круглой формой плана, что едва ли правомерно. Круглые поселения эпохи бронзы все-таки имеют, скорее всего, другой генезис и существовали одновременно за тысячи километров к северу от зоны БМАК — например, в Аркаиме. Круглые структуры также известны в Месопотамии, где они впервые появляются в раннем династическом периоде в районе Хамрина в Ираке и в сирийской степи Джезире⁶, а позже, во времена БМАК, и в более засушливой внутренней сирийской пустыне, к востоку от Хамы⁷, а также в Каппадокии8. Там тоже истоки этого кругового плана остаются неизвестными.

Как выше отмечалось, генезис БМАК — тема дискуссионная, и пока можно лишь предполагать, кем были носители этой бесписьменной культуры, откуда они пришли, какие образы служили эталонами в их строительной деятельности. Как бы то ни было, мы имеем большой фактический материал, который слабо представлен в историографии архитектуры Древнего мира и должен быть рассмотрен в техническом, функциональном и социальном аспектах. Попытка наметить контуры такого исследования, решающего проблемы интерпретации остатков монументальной архитектуры, предпринята в настояшей статье.

⁶ Поселение Телль Хуэра, относящееся к так называемой культуре круглых холмов (нем. Kranzhügel).

 $^{^{7}}$ Поселение Аль-Равда, датируемое 2400–2000 гг. до н. э.

⁸ Поселение Каниш близ турецкого села Кюльтепе в провинции Кайсери.

Самый северный и, как считается, самый древний оазис в системе БМАК — Келлели. Он возник на очень ранней стадии заселения дельты Мургаба и состоит из центрального холма Келлели 1, явно представлявшего собой резиденцию местной знати, а также примерно десятка более мелких поселений вокруг него. Частично раскопаны лишь три из них. Монументальная фортификация выявлена на Келлели 3. Это крепость в виде квадрата 128×128 м, образованного двумя рядами сырцовых стен, между которыми тянулся обводной коридор (ил. 4 а). По середине всех четырех сторон располагались входы, фланкированные почти квадратными башнями. Они стояли на однаковом расстоянии по обе стороны от входов, т.е. по 6 башен на каждом фасаде. Внутренная площадь поселения осталась неизученной, но памятник дает достаточно ясное представление о характере оборонной архитектуры в конце III тысячелетия до н.э. Исследователь Келлели 3 усматривал ее истоки в остатках крепостных стен Алтын-депе (Масимов 1986: 179).

На городище Келлели 4 раскопан небольшой жилой и ремесленный комплекс, чья планировочная схема также представляет собой квадрат (ил. 4 б). Ряд вытянутых прямоугольных помещений по всему периметру образуют нечто похожее на изначальный обводной коридор, разделенный поперечными перегородками. И здесь тоже по середине всех фасадов, кроме южного, имелись прямоугольные башни. Южный фасад оформлен, как и на Келлели 3, двумя предвратными башнями. Внутреннее пространство комплекса было застроено помещениями, образующими несколько отдельных секций с разным числом взаимосвязанных комнат. Похоже, что этот комплекс был сооружен одновременно по единому плану и на протяжении своего существования не испытал значительных перестроек (*Масимов* 1984). Здесь уже отчетливо видна архитектурно-планировочная композиция далекого будущего, когда помещения охватывают по периметру двор (*Пугаченкова* 1982: 35). Но двор здесь еще очень мал, а застройка очень плотная. Установить, существовала ли какая-либо внешняя стена, защищающая поселение, оказалось невозможно из-за сильной дефляции исторического ландшафта.

Центральное положение в Маргиане, судя по масштабу и монументальности сооружений, занимало поселение Гонурдепе. В нем сконцентрированы оборонительные, культовые, административные, бытовые, ирригационные и погребальные сооружения — иначе говоря, полный функциональный спектр строительной типологии Древнего мира. Общая площадь раскопок, включая гигантский некрополь, составляет здесь около 130 га. Условно это городище делится на южный и северный районы.

В центре Северного Гонура располагалась крепость с дворцом внутри. Это монументальный ансамбль в виде каре оборонительных стен с прямоугольными угловыми башнями. В стенах и башнях имелись треугольные амбразуры либо световые проемы (ил. 5). Длина сторон внешнего каре по уточненным обмерам составляет 128, 115, 117 и 118 м (Артемьев, Урманова 2010: 176, рис. 2). По середине трех стен были устроены парные башни, между которыми располагались входы. С четвертой стороны пара таких башен далеко разведена в стороны, а между ними находилось сооружение, которое интерпретируется как «храм огня». Пространство между стенами дворца и внешним каре было почти целиком застроено. Вне ограды с севера, востока и запада территория также была полностью застроена жилыми и, очевид-

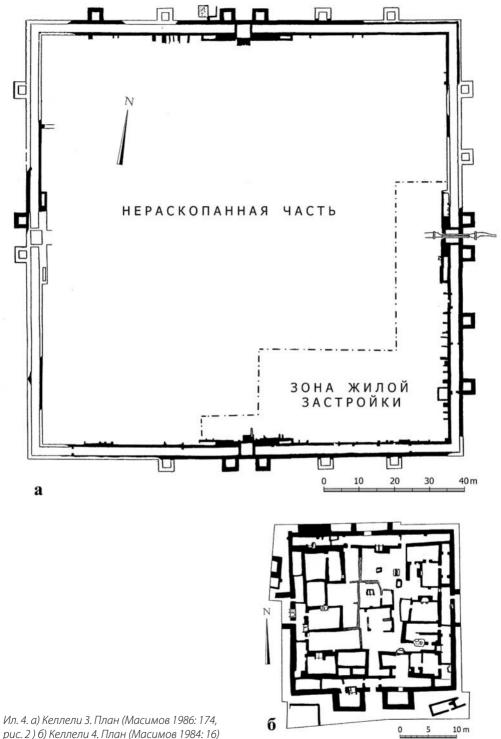

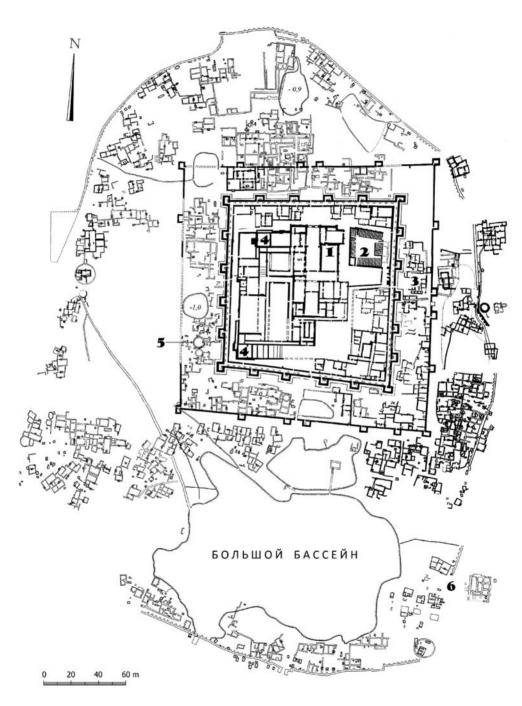
рис. 2) б) Келлели 4. План (Масимов 1984: 16)

Ил. 5. Гонур-депе, стена с амбразурами. Фото Р. Мурадова, 2010 г.

но, ремесленными кварталами, а с юга располагались большой и малый водоемы с выходящими на их берег сооружениями, которые интерпретируются как святилища, связанные с культом воды. С западной стороны большого бассейна обнаружено особое кладбище, состоящее из нескольких многокамерных склепов. В них оказались остатки исключительно богатого погребального инвентаря, а также редчайшие мозаичные панели, составлявшие орнаментальный и фигуративный декор интерьеров этих подземных мавзолеев. Нигде больше в сооружениях БМАК не найдено никаких следов внутреннего убранства помещений. Столь выдающиеся качества находок в склепах позволили археологам интерпретировать их как «царский некрополь» (Сарианиди 2006). Весь этот дворцово-храмовый комплекс с бытовой застройкой, бассейнами и некрополем площадью свыше 15 га окружала еще одна очень протяженная стена, в плане представляющая собой неправильной формы овал. Она не была оборонительной, не имела башен, в толщину едва достигала одного метра и поддерживалась частыми контрфорсами. Но и за пределами этой обводной стены, как показывают дальнейшие раскопки, также находились целые массивы вернакулярной архитектуры (ил. 6).

Наибольшей архитектурной выразительностью обладает, безусловно, крепость с заключенным в ее двойной ограде дворцово-храмовым комплексом. Он состоит из серии больших и малых прямоугольных помещений, соединенных между собой коридорами и внутренними двориками. Судя по габаритам некоторых помещений, они могли быть аудиенц-залами для официальных церемоний. Исследователи обратили внимание на следы столбов, расположенных по оси и в створе широких входных проемов. Нечто подобное было в интерьерах дворца города Алалаха на северо-западе Сирии, существовавшего в середине II тысячелетия до н. э. (Вулли 1986: 95). Эффектное деление проема на две равные части широко использовалось много веков спустя и в ахеменидской, и в парфяно-сасанидской, и в исламской архитектуре. В гонурском дворце нет ни одного одинакового зала — каждый

Ил. б. Гонур-депе. Северный комплекс. План основной части по состоянию раскопок на 2017 г. 1—дворец; 2— «комплекс келий»; 3— храм огня; 4— высокая терраса; 5— «алтарь»; 6— «царский» некрополь

Ил. 7. Гонур-депе. Ступенчатая ниша во дворце. Фото Р. Мурадова, 2018 г.

имеет свои особенности в оформлении стен уступчатыми нишами, что наводит на мысль о вероятности их сводчатого венчания (ил. 7). Две группы помещений гонурского дворца полностью засыпаны песком. Предполагается, что это понадобилось для возведения неких массивных подиумов особого назначения, на которые вели широкие лестничные марши.

Самый интригующий объект дворца — это, пожалуй, так называемая гребенчатая планировка в его северо-восточном части, которой В.И. Сарианиди присвоил условное название «комплекс келий» (ил. 8). Их назначение остается предметом всевозможных гипотез. Такие группы очень узких и низких пустотелых камер со сводчатыми перекрытиями, тщательно обмазанные изнутри и аккуратно закупоренные со всех сторон, есть едва ли не в каждом монументальном сооружении БМАК. Из этого сделан вывод, что «кельи» — своеобразный маркер, по которому можно определять принадлежность объектов к БМАК (Урманова 2014). Но речь здесь может идти скорее о свя-

Ил. 8. Гонур-депе. Так называемый «комплекс келий». Фото В. Саркисяна, 2009 г.

зях с далекой Анатолией, т.к. точно такие же странные конструкции давно найдены при раскопках столицы хеттов Хатуссы⁹, а также в хассунском поселении Ярымтепе в Северо-Западном Ираке. По одной из версий — это цоколь под верхние этажи (Huff 2005: 92; Франкфор 2014: 123), что вовсе не выглядит убедительно, если учесть особенности их внутренней облицовки и герметизации. Высказываются и другие предположения. Наконец, еще в докерамическом неолите — едва ли не за 5 тысяч лет до эпохи бронзы, в Чейеню Тепеси на территории Месопотамии уже были так называемые «дома с каналами», структурно похожие на бактрийскомаргианские «комплексы келий» (Корниенко 2006: 44-47, рис. 14).

Гонурский дворец невольно вызывает ассоциации со знаменитым дворцом

правителя Зимри-Лима в Ма́ри¹⁰, точно датируемым XVIII в. до н.э., который в свое время воспринимался как «чудо света». Это касается не только отдельных планировочных решений, но и такого декоративного элемента, как ступенчатое оформление откосов дверных проемов (ил. 9). Едва ли подобное тождество случайно.

Значительно позже северного комплекса Гонура был построен южный, площадью 1,5 га, полностью раскопанный. Он представляет собой так называемый *теменос* (священный участок), обнесенный по внешнему краю широкой оборонительной стеной с круглыми угловыми башнями и полубашенками по периметру стен (ил. 10). Внутри, в одном из углов располагался,

⁹ Городище Богазкале в современной Турции.

¹⁰ Городище Телль аль-Харири на востоке современной Сирии.

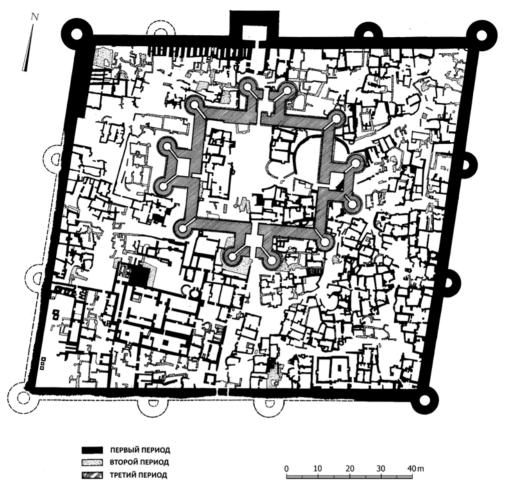

Ил. 9. Ма́ри (Сирия). Ступенчатое оформление откосов во дворце Телль аль-Харири. Фото Д. Деметера, 2007 г.

по определению В.И. Сарианиди, небольшой храм, связанный с культом галлюциногенных напитков и почитанием огня. Вокруг была очень плотная рядовая застройка, состоящая из жилых и хозяйственных помещений. Когда храм перестал функционировать, на его руинах возвели другое монументальное здание, так называемый «форт» крестообразной формы с двенадцатью полыми башнями по всем углам, однако это строительство осталось явно незаконченным (Sarianidi 1998: 111-120). Его планировка, как и параллелограмм внешней ограды, имеет осевую ориентацию по сторонам света, с небольшими отклонениями. Этот объект можно назвать предтечей планировочной структуры бактрийского храма периода поздней бронзы Тилля-тепе (Сарианиди 1989: 6-22). И хотя он относится уже к другой эпохе, сходство его конфигурации на самом раннем этапе строительства (ил. 11) с теменосом Гонура позволяет говорить о преемственности.

Начало исследований соседнего с Гонуром Аджикуинского оазиса, где вы-

явлено девять поселений, было положено разведочными раскопками городища Аджикуи 8. Его центральная часть прямо по поверхности сохранила следы стен. Были оконтурены, но не раскопаны две обводные внешние стены толщиной около метра, с достаточно четким ритмом контрфорсов с внутренней образующие юго-западный стороны, угол сооружения. В юго-восточном углу вскрыта часть внутренней планировки (ил. 12 а). Около южного входа стояло прямоугольное сооружение, напоминающее башню (Сарианиди 1990: 7-11). Затем начались стационарные раскопки соседних поселений Аджикуи 1 и 9, продолжавшиеся 10 лет. Стало очевидным, что Аджикуи 1 было одним из крупнейших поселений этого микрооазиса. Его площадь, до недавней распашки земель, составляла почти 5 га. Основное ядро городища — прямоугольная в плане крепость, пережившая несколько строительных фаз (ил. 12 б). Центральный въезд, фланкированный двумя башнями, устроен с южной стороны. Мощная крепостная стена шириной от 1 до 3,2 м

Ил. 10. Гонур-депе. «Теменос». План (Сарианиди 1997: 156, рис. 8)

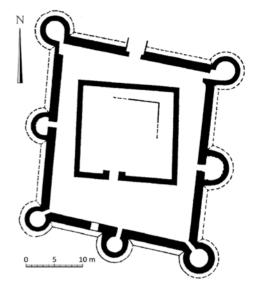
усилена изнутри контрфорсами. Вдоль нее располагались группы помещений с множеством крупных сосудов тарного назначения. Похоже, что здесь находилось какое-то общественное хранилище. Функциональное определение этой крепости едва ли следует связывать с военной необходимостью. Скорее это была торговая фактория, обеспечивавшая товарообмен с ближними и дальними соседями (Удеумурадов 2011: 205–206).

Всего в 500 м восточнее раскопано поселение Аджикуи 9. Это крепость

в виде параллелограмма общей площадью 0,5 га (Rossi-Osmida 2007; 2011). По всему периметру оно также было обнесено стеной с внутристенным коридором шириной 2 м и прямоугольными башнями (ил. 13). Спаренные башни в виде «ласточкина хвоста» в юго-восточном углу сооружения позволяют допустить, что аналогично были устроены другие три угла. Большой внутренний двор занимали постройки более позднего периода. Их планировка очень характерна для всех поселений БМАК. Производственные участки, связанные с металлургическим и керамическим ремеслами, так же как и на Аджикуи 1 и Гонуре, локализованы за пределами крепости. Несмотря на очень серьезную критику методов раскопок Аджикуи 9 (Salvatori 2007) и, главное, их публикацию (Rossi-Osmida 2007), полученные материалы позволяют увидеть в гораздо большем объеме специфику монументальной и бытовой архитектуры БМАК.

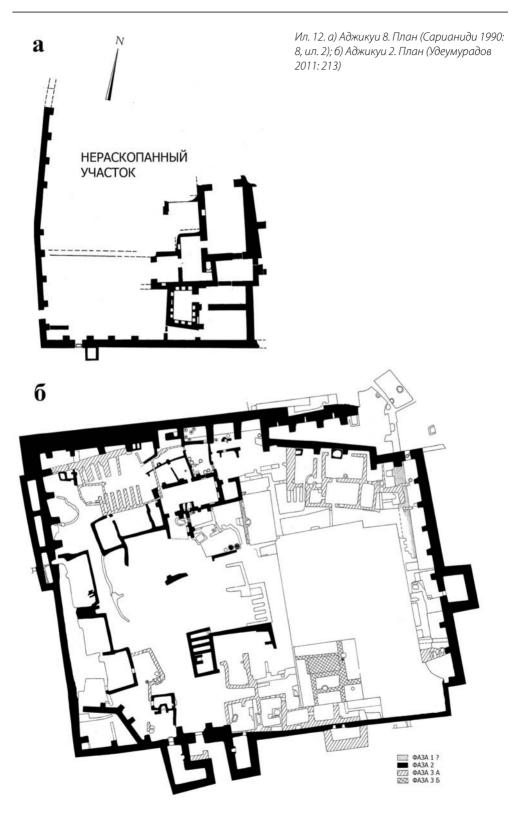
В 1972 г. В.И. Сарианиди предпринял разведочные раскопки на поселении Аучин 1, где также удалось установить наличие крепости с угловыми бастионами, усиленной по периметру стен добавочными, округлыми в плане башнями. Расчистка юго-восточного угла показала наличие двух строительных периодов (Сарианиди 1990: 10-11). Этот же принцип, но на более низком уровне исполнения, заложен в основу другого храмового комплекса этой же группы поселений — Тоголок 1 (ил. 14). Его центральное ядро — почти квадратное в плане сооружение крепостного характера размерами 29×30 м. С севера углы оформлены круглыми башнями. Внутренняя часть этой цитадели состоит из прямоугольных и квадратных помещений и миниатюрных двориков. С юга ее охватывает просторный двор, окруженной стеной, которая на юго-восточном отрезке была укреплена во второй фазе пятью полукруглыми башнями.

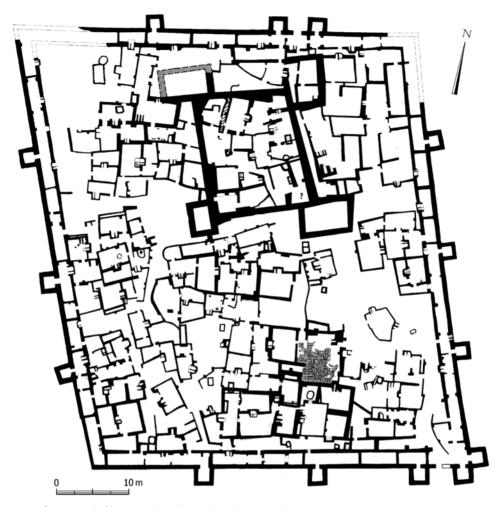
Другой архитектурный комплекс — Тоголок 21 — представляет собой в плане три вписанных друг в друга укрепления в форме каре с круглыми башнями на углах и полуциркульными по периметру стен (Sarianidi 1998: 90–103). Из внешней ограды с запада и с востока сильно выдвинуты две платформы с объектами, похожими на какие-то святилища. С внутренней стороны вдоль западной стены промежуточного каре размещен

Ил. 11. Тилля-тепе. Храм на первом этапе строительства. План (Сарианиди 1989: puc. 2–I а)

«комплекс келий». Третье, внутреннее каре усилено по углам и по середине западной и восточной стен самыми крупными в этом сооружении круглыми башнями. Внутри этой цитадели — сплошная застройка из четких по конфигурации прямоугольных помещений с двориком почти в центре (ил. 15). Т. к. толщина стен центрального ядра данного сооружения намного больше толщины стен средней и наружной оград, можно предположить, что и высоты этих стен возвышались в зависимости от их толщины, в результате чего центральная часть по высоте могла доминировать над всем комплексом. Это показано на одном из вариантов графической реконструкции объекта (Мамедов 2003: 38, рис. 23). Объемно-планировочное решение, когда высота стен вписанных друг в друга прямоугольных оград растет к центру наподобие зиккурата, использовалось и в последующие времена. Такая схема

Ил. 13. Аджикуи 9. Субфаза 3В. План (Rossi-Osmida 2011: 32)

прослеживается и на святилищах Гонура. Второй период существования поселения Тоголок 21 отмечен возникновением жилой застройки между ограждающими стенами храмового комплекса. Она состоит из небрежно возведенных вплотную друг к другу многокомнатных домов и примыкает к двум рядам внешних стен центрального сооружения.

Тоголокские комплексы характеризуются как протозороастрийские храмы, в которых уже практиковался культ огня.

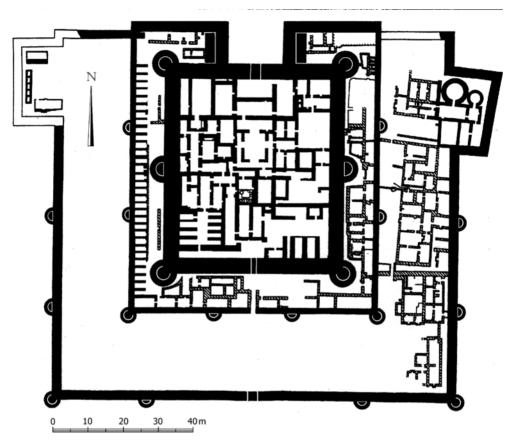
В пользу такой гипотезы говорят также расположение и конфигурация сакральной части древнемаргианских капищ. Их планировочная схема как будто сохраняется через тысячу лет в реальных зороастрийских храмах, чему свидетельствуют храмы в Сузах, Тахти-Сангине, Кух-и-Ходжа, Мансур-депе, Дальверзине, Хатре и др. (Сарианиди 1996: 326, рис. 3). Этой на первый взгляд логично выстроенной концепции противоречит одна существенная деталь: первоначально рели-

Ил. 14. Тоголок 1. План (Sarianidi 1998: 106)

гия Зороастра не допускала строительство никаких специальных сооружений и жертвенники стояли на открытом пространстве. Только позднее, при последних царях ахеменидской династии в Персии начинают воздвигаться первые зороастрийские храмы, что не позволяет

однозначно утверждать, что их строителями были взяты на вооружение древние традиции культовой архитектуры БМАК, к тому времени уже давно забытые. Тем не менее на основе тщательного изучения вскрытых помещений двух тоголокских комплексов и найденных там

Ил. 15. Тоголок 21. План (Sarianidi 1998: 98)

предметов В.И. Сарианиди пришел к выводу, что имеет дело со святилищами, где важную роль играли культы огня, воды, а также других объектов языческого пантеона, включая зачатки митраизма.

С учетом бактрийских памятников он установил наличие типологических признаков широко распространенных в Иране и Средней Азии храмов огня, к которым относятся *атешгахи* 11, планировочная схема «двор, или зал в обводе коридоров», а также «хранилища свя-

щенной золы». Все три признака много веков спустя кристаллизовались в ахеменидской и эллинистической традициях: «Если сравнить между собой два конкретных памятника: храм Тоголок 21 и храм Окса¹², то нетрудно увидеть, что былой "двор в обводе коридоров" трансформируется в центральный четырехколонный зал с обводными же коридорами, а былые алтарные площадки —

¹¹ Алтарные площадки, или хранилища «вечного» огня в изолированных помещениях.

¹² Имеется в виду греко-бактрийский храм конца IV — начала III в. до н. э. на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане, посвященный божеству реки Окс (Литвинский, Пичикян 2000).

в подлинные атешгахи» (Там же: 325). Сопоставляя два этих храма разных эпох, исследователь заключил, что со временем культ огня вытеснил другие церемониальные культы, что отразилось и на планировке святилищ классического зороастризма. Впрочем, он сделал оговорку: «Может создаться впечатление, что иранские храмы огня прямо ведут свое продолжение и происхождение от маргианских храмов. Но такому прямолинейному выводу противоречит то обстоятельство, что близкие культовые церемонии были распространены еще и в Бактрии, а кроме того, и на территории Внешнего Ирана эти храмы появляются в таких выработанных, канонических формах, что с бесспорностью предполагает предшествующую многовековую линию развития и культовых традиций» (Там же: 326).

Не означает ли это, что в эпоху бронзы существовал их общий центр происхождения? В.И. Сарианиди видел его истоки в монументальной архитектуре Северной Месопотамии и, возможно, Анатолии, отмечая промежуточное звено в Мидии. Другие авторы придерживалась иной точки зрения (Пугаченкова 1982: 22-26) либо констатировали, что ряд вопросов, касающихся генезиса архитектуры БМАК и дальнейшего развития ее отдельных приемов, остаются открытыми (Мамедов 2003: 117). Бесспорно одно: В.И. Сарианиди предоставил науке едва ли не исходные образцы храмовых структур, которые в последующие эпохи приобрели более монументальные формы. Ахеменидские, парфянские и, наконец, сасанидские памятники даже в их каменном исполнении появились не вдруг, а стали всего лишь новым этапом того пути развития архитектуры, начало которого прослеживается в сырцовых цитаделях древней Бактрии и Маргианы.

Архитектурные характеристики памятников Южной Бактрии, также открытых усилиями В.И. Сарианиди, неоднократно приводились как в его собственных многочисленных публикациях, так и в работах авторов, которые по-своему интерпретировали его материалы, причем зачастую в весьма критическом ракурсе (Мурадов 2010). Прежде всего, это два поселения эпохи бронзы: Дашлы 1 и Дашлы 3. Первое представляло собой крепость (99×85 м) с мощной фортификацией, округлыми башнями на углах и по периметру стен, с плотной внутренней застройкой (ил. 16). На втором раскопаны два сооружения: одно из них вошло в литературу под названием «круглый храм» (ил. 17), второе — «дворец» $(ил. 18)^{13}$.

О них стоит сказать особо не только потому, что они вызвали больше всего споров и гипотез (см., например: Brentjes 1981; Пугаченкова 1982; Антонова 1984: 78-82; Булатов 1988: 28-35, 44-46; Chmelizkiy 1993: 304-307; Huff 2001: 184-190). Эти объекты по своему композиционному строю приближаются к известным образцам сырцовой архитектуры общественных зданий месопотамского Двуречья. В них сполна проявлены качества архитектуры как вполне осознанной деятельности, грамотной реализации заранее составленной программы. Дашлинские сооружения демонстрируют планировочные принципы, в основе которых лежат четкие геометрические формы: квадрат, круг, прямоугольник. Их отличительной чертой является

¹³ После того как он оказался заброшенным, на его руинах сложилось небольшое поселение, которое затем разрослось, в последний, третий период заняло участок размером 40 × 40 м внутри былого двора. Бытовая застройка территории переставших функционировать дворцов и святилищ — еще одна характерная особенность монументальных сооружений БМАК.

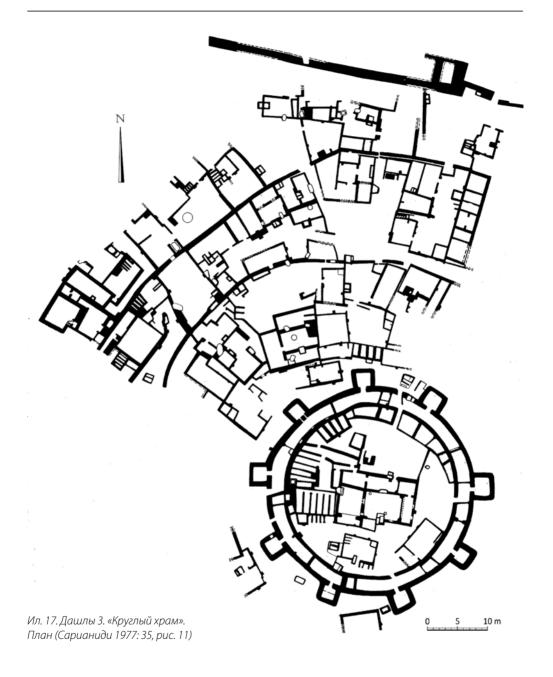

Ил. 16. Дашлы 1. Совмещенный план крепости и части внутренней застройки

замкнутость планировки, строгая ориентация по странам света, симметрия, наличие двора-атриума, обводного коридора (либо системы коридоров), соединение оборонительной стены и сторожевых башен. Спустя века, несмотря на контакты с другими областями Передней Азии, а позднее — включение в состав державы Ахеменидов, в монументальном строительстве Бактрии и Маргианы стойко сохранялись отмеченные выше субстратные элементы.

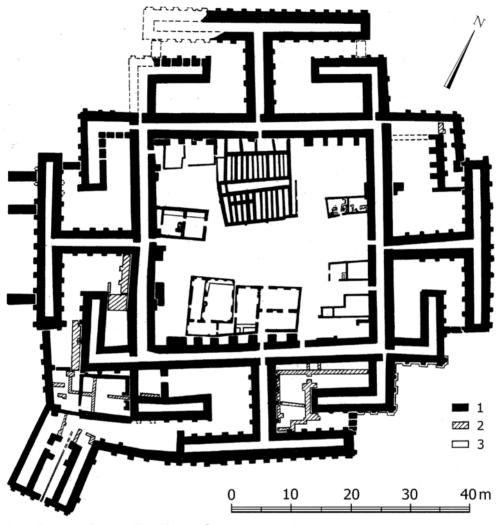
Говоря о круглых и квадратных планах зданий на Дашлы 3, исследователь

был предельно осторожен: он лишь замечал, что такое сочетание не является случайным (Сарианиди 1977). Действительно, анализируя монументальную архитектуру бронзового века, невозможно игнорировать идеологический компонент архитектурной деятельности, которая в древности была мотивирована гораздо более глубоко и тотально, чем сегодня. Ряд исследований в области семиотики и культурной антропологии позволяет увидеть, насколько тесной была связь между искусственной средой и мифологическим мышлением.

Стало аксиомой представление о том, что в эпоху архаики любое строительство мыслилось аналогом деятельности «творца», и поэтому в сооружениях преобладало космологическое содержа-

ние, основанное на преодолении «царства зла и лжи», олицетворявших хаос, и создании на земле «благой небесной обители». Такие концепции наверняка отражались и в архитектуре БМАК. От-

Ил. 18. Дашлы 3. «Дворец». План (Сарианиди 1977: 42, рис. 15)

дельные авторы прямо говорят, что, например, круглое здание на Дашлы 3 «без сомнения, имеет религиозно-космологическую основу, однако полный смысл его до сих пор не расшифрован» (Карцев 1986: 98–99), а в основе плана «дворца» Дашлы 3 лежит схематический рисунок мандалы (Brentjes 1983). Высказана также гипотеза, что эти «укрепления» служили не столько целям реальной обороны,

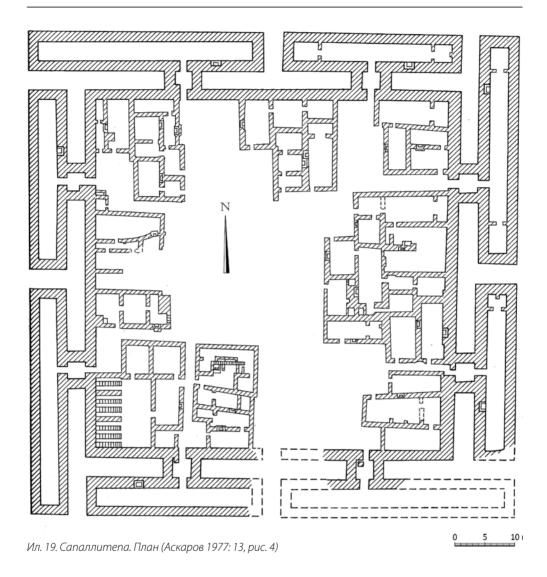
сколько магической защитой от вредоносных сил на новых территориях (Антонова 2001: 17). Как отметил Дэниел Поттс, такие памятники всегда были многофункциональными в том смысле, что прагматическое обоснование, лежащее в основе их конструкции, являлось лишь одним из многих их предназначений. Помимо сугубо рациональных задач, «каждый, несомненно, функционировал

как символ гораздо большего» (*Potts* 2014: 25).

То же самое применимо и к Сапаллитепа. Это поселение на правобережье Амударьи в Сурхандарьинской области Узбекистана относится к поздней фазе БМАК и датируется 1700-1500 гг. до н.э. (Аскаров 1977: 101). Раскопанное в его центре сооружение (в плане квадрат 82×82 м) если и напоминает в плане мандалу, но свидетельствует и о достаточно высоком уровне фортификации эпохи бронзы (ил. 19). Фактически это большой двор (58×58 м), обстроенный со всех сторон сильно вытянутыми прямоугольными помещениями, по два с каждой стороны, которые сообщались с этим двором через проходные комнаты, между которыми восемь Т-образных в плане коридоров со входами снаружи крепости. Но, очевидно, эти входы были ловушками, т.к. все коридоры тупиковые. Только один вход из восьми, расположенный в центре южной стены, вел внутрь. Столь необычный прием отчасти усиливал обороноспособность поселения. Весь комплекс Сапаллитепа пережил минимум три строительных периода. Так называемый двор во второй фазе очень плотно и хаотично застроили: выделяются несколько жилых блоков, разделенных узкими проулками, лишь в самом центре оставлено некое подобие плошади. Как это было повсеместно в глиняных поселениях, обветшавшие постройки утилизировались, и на их месте возводились новые, в целом повторяющие структуру прежних. В третьей фазе, когда изощренная фортификация, видимо, утратила актуальность, под жилища приспособили все восемь обводных помещений и Т-образные коридоры (Там же: 13-33). Четкая геометрия трех рядов обводных стен этой крепости невольно ассоциируется с планировкой Келлели 4 и «дворца» Дашлы 3.

Административным и культовым центром района, где находится Сапаллитепа, было, скорее всего, расположенное в 20 км к северу от него крупное городище Джаркутан. Оно состоит из цитадели с «дворцом», массива бытовой застройки, огромного некрополя и раскопаннного на холме храма $(44,5 \times 60 \text{ м})$, зашишенного обводной стеной. Авторы раскопок утверждают, что «линия направления обводной стены строго прямоугольна, башен или других элементов не наблюдается» (Askarov, Shirinov 1994: 63). Обнаруженное на северной стене полукруглое сооружение, по их мнению, не является фортификационной башней, а представляет собой атешгах, построенный прямо в толще обводной стены. Однако в результате дальнейших работ на западном, северном и восточном фасадах храма выявлено в общей сложности девять круглых бастионов. Западный и восточный фасады находились по отношению друг к другу в позиции зеркального отражения — каждый с двумя бастионами, расположенными между угловыми башнями (ил. 20). Раскопки показали, что некая «сакральная платформа» размером 13×31 м уходит за пределы северной крепостной стены более чем на 6 м (Хуфф, Шайдуллаев 1999: 25; Huff 2000). Таким образом, и здесь со всей очевидностью обнаруживается типичная черта культовых зданий БМАК — круглые угловые и промежуточные башни, а также зарождается тема глубокого айвана, обращенного во двор.

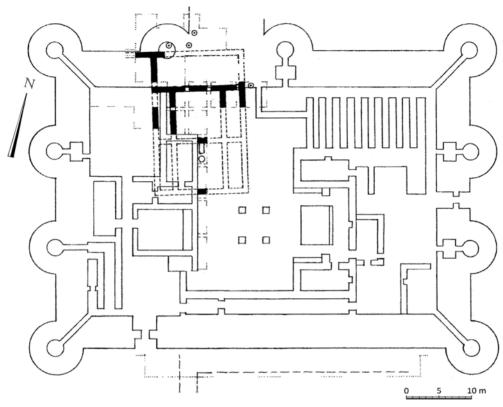
Особый интерес представляет уже упоминавшийся выше Саразм в верховьях реки Зеравшан — на северо-западной периферии древнеземледельческих культур, возникший еще в халколите. В его постройках выделен целый ряд специфических приемов — широкое применение пахсы для возведения

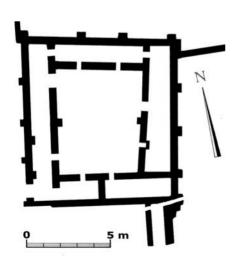
стен, наличие деревянных столбов для поддержки перекрытий, использование галечных подсыпок для благоустройства и в конструкциях полов, что обусловлено в первую очередь доступностью дерева и камня в районе расположения поселения. В монументальных сооружениях Саразма (ил. 21), так же как и в Маргиане, стены имели выступы-пилястры,

фактически служившие небольшими

контрфорсами и дополнительными опорами балок перекрытий. Геометрическая четкость планировки и качество строительства не оставляют сомнений в заранее продуманном плане и определенном мастерстве исполнения (*Раззоков* 2016). Саразм обезлюдел в период ранней бронзы (Намазга IV) и может быть отнесен к БМАК с большой натяжкой, но целый ряд особенностей его

Ил. 20. Джаркутан. План (Huff 2000: 67)

Ил. 21. Саразм. «Дом в обводе коридоров». План Раскопа XI (Раззоков 2016: 226, рис. 60)

построек¹⁴ и строительной технологии проявился в следующей эпохе Намазга V.

Все упомянутые в этой статье памятники наглядно свидетельствуют о зарождении монументальности в архитектуре раннеземледельческих цивилизаций, оказавшихся на периферии древневосточного мира и не знавших прежде ни такой масштабности, ни такого геометризма. Это стало возможным в результате глубоких изменений в социальной жизни местных сообществ, которые накопили материальные ресурсы и идеологический капитал для осуществления беспрецедентных по объему стро-

¹⁴ Например, планировочная схема «квадратный двор в обводе коридоров», а также пилястры на стенах.

ек. Монументальность как формальное свойство элитных резиденций и религиозных зданий стала выражением культурной мутации, происходившей в процессе включения Бактрии и Маргианы в обширную сеть межрегиональных контактов.

Репрезентативная архитектура БМАК была самобытной новацией на рубеже III— II тысячелетий до н.э. и сошла со сцены, оставив после себя угасшие храмы, которые сменились укрепленными сооружениями дворцового типа. Сама эта цивилизация исчезла, когда единство условий, предопределявших ее существование, было нарушено. Жречество как особая каста частично потеряло свое прежнее высокое положение, хотя явно привнесло старую символику и традиции в преемственный цикл развития монументальной архитектуры Центральной Азии в раннем железном веке и значительно позже.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антонова 1984 Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, 1984.
- Антонова 2001 Антонова Е.В. Заметки об одной из культур эпохи бронзы «цивилизации Окса» // Российское востоковедение в память о М.С. Капице: очерки, исследования, разработки. М.: Муравей, 2001. С. 9–34.
- Артемьев, Урманова 2010 Артемьев В., Урманова А. Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 г. // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 172–202.
- Аскаров 1977 Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
- Булатов 1988 Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М.: Наука, 1988.
- *Вулли* 1986 *Вулли Л*. Забытое царство / Пер. с англ. М.: Наука, 1986.

- Дубова 2014 Дубова Н.А. Типы погребальных сооружений Гонур-депе // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд. Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 327–340.
- Карцев 1986 Карцев В.Н. Зодчество Афганистана. М.: Стройиздат, 1986.
- Корниенко 2006 Корниенко Т. В. Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетейя, 2006.
- *Кузьмина* 2008 *Кузьмина Е.Е.* Арии путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008.
- Литвинский, Пичикян 2000 Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 1. М.: Восточная литература, 2000.
- Мамедов 2003 Мамедов М.А. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад: Культурный центр Посольства Исламской Республики Иран, 2003.
- Маргерон 1985 Маргерон Ж.-К. Мари самобытность или заимствования? // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). М.: Прогресс, 1985. С. 96–113.
- Масимов 1984 Масимов И.С. Жилой дом на Келлели // Памятники Туркменистана. № 2 (38). 1984. С. 16–18.
- Масимов 1986 Масимов И.С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986. С. 171–181.
- Массон 1979 Массон В.М. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 28–34.
- *Массон* 1989 *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989.
- Массон 2006 Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Издво СПбГУ, 2006.
- Мурадов 2010 Мурадов Р.Г. Вклад В.И. Сарианиди в изучение архитектуры Древнего Востока // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 103–119.
- Оразов 2016 Оразов А.Т. Эпоха бронзы в Маргиане: строительные материалы и конструкции // Труды Маргианской экспедиции. Т. 6. М.: Старый Сад, 2016. С. 224–231.

- Пугаченкова 1958 Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. VIII. Ашхабад: Изд. АН Туркм. ССР, 1958. С. 218–282.
- Пугаченкова 1971 Пугаченкова Г.А. Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях // История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971. С. 237–245.
- Пугаченкова 1982 Пугаченкова Г.А. К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона // Iranica Antiqua. Vol. XVII. Gent, 1982. P. 21–42.
- Раззоков 2016 Раззоков Ф. А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э. СПб.: Изд. ИИМК, 2016.
- Рыльникова 1996 Рыльникова Е.В. Соразмерности в архитектуре эпохи бронзы Мервского оазиса // Архитектурное наследство. Вып. 41. М.: НИИТАГ, 1996. С. 162–167.
- Сарианиди 1976 Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1976. С. 21–86.
- Сарианиди 1977 Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
- Сарианиди 1989 Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.: Наука, 1989.
- Сарианиди 1990 Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990.
- Сарианиди 1996 Сарианиди В. И. Происхождение иранских храмов огня // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma, 1994. P. 319–329.
- Сарианиди 1997 Сарианиди В.И. Теменос Гонура // Вестник древней истории. № 1. 1997. С. 148–168.
- Сарианиди 2000 Сарианиди В.И. Дворец Северного Гонура // Вестник древней истории. № 2. 2000. С. 248–259.
- Сарианиди 2006 Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории. № 2. 2006. С. 155–192.

- Удеумурадов 2011 Удеумурадов Б. Н. Древнеземледельческие поселения Аджикуинского оазиса // Памятники истории и культуры Туркменистана. Ашхабад: Туркменгосиздат, 2011. С. 205–213.
- Урманова 2014 Урманова А. К проблеме сооружений типа «келий» // Труды Маргианской экспедиции. Т. 5. М.: Изд. ИЭА РАН, 2014. С. 138–150.
- Франкфор 2014 Франкфор А.-П. Цивилизация Окса и проблема индоариев в Центральной Азии // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. 1. Самарканд: Изд. МИЦАИ, 2014. С. 85–161.
- Хуфф, Шайдуллаев 1999. Некоторые результаты работ Узбекско–германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 19—
- Askarov, Shirinov 1994 Askarov A.A., Shirinov T. The "Palace", Temple, and Necropolis of Jarkutan // Bulletin of the Asia Institute, Vol. 8. Michigan, 1994. P. 13–25.
- Baimatowa 2008 Baimatowa N. 5000 Jahre Architectur in Mittelasien. Lehmziegelgewölbe vom 4./3. Jt. v. Chr. bis zum Ende des 8. Jh. n. Chr. (Archäologie in Iran und Turan, band 7). Mainz: Philipp von Zabern, 2008
- Brentjes 1981 Brentjes B. Die Stadt desYima, Weltbilder in der Architektur. Leipzig: VEB E. A. Seemann Verlag, 1981.
- Brentjes 1983 Brentjes B. Das "Ur-Mandala" (?) von Daschly-3 // Iranica Antiqua. Vol. 18. Gent, 1983. P. 25–49, tabl. 1.
- Chmelnizkiy 1993 Chmelnizkiy S. Das problem der kultischen merkmale einiger altertümlichen bauten in Mittelasien // Actes du XIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Vol. 4. Bratislava, 1993. S. 304–307.
- Hiebert 1994 Hiebert F. T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia (American School of Prehistoric Research Bulletin 42). Cambridge (MA.): Harvard University Press, 1994.
- Huff 2000 Huff D. Djarkutan. Archaeological Research on Tepe VI // История

- материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 58–69.
- Huff 2001 Huff D. Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasien // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn, 2001. S. 181–197.
- Huff 2005 Huff D. Urbanisierungsansätze in Zentralasien // Weg zur Stadt. Entwicklung und Formen urbanen Lebens in der alten Welt. Bremen: Hempen verlag, 2005. S. 82– 120.
- Lamberg-Karlovsky 1994 Lamberg-Karlovsky C. C. The Bronze Age 'khanates' of Central Asia // Antiquity. Vol. 68, No. 259, June 1994. P. 398–405.
- Lamberg-Karlovsky 2007 Lamberg-Karlovsky C. C. The BMAC. Pivot of the Four Quarters: Temples, Palaces, Factories and Bazaars? // Sulla Via delle Oasi. Tesori dell'Oriente Antico. Venezia: Il Punto Edizioni, 2007. P. 88–101.
- Potts 2014 Potts D.T. Elamite Monumentality and Architectural Scale // Approaching Monumentality in Archaeology / ed. by J.F. Osborne. Albany: State University of New York Press, 2014. P. 23–38.
- Rossi-Osmida 2007 Rossi-Osmida G. Adji Kui Oasis. The Citadel of the Figurines. Vol. I. Venezia: Il Punto Edizioni, 2007.
- Rossi-Osmida 2011 Rossi-Osmida G. Adji Kui Oasis. The Citadel of the Figurines. Vol. II. Venezia: Il Punto Edizioni, 2011.
- Salvatori 2007 Salvatori S. About recent excavations at a Bronze Age site in Margiana (Turkmenistan) // Rivista di Archeologia. Vol. XXXI. Roma, 2007. P. 11–28.
- Sarianidi 1998 Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens: Kapon Publ., 1998.

REFERENCES

- Antonova E.V. Ocherki kultury drevnih zemledel'tsev perednei i Srednei Azii (Essays on Culture of Ancient Tillers of Hither and Central Asia). Moscow: Nayka Publ., 1984 (in Russian).
- Antonova E.V. Zametki ob odnoi iz kultur epohi bronzy "tsivilizatsii Oksa" (Notes on one

- of the cultures of the Bronze Age "Oks civilization". Rossiiskoe vostokovedenie v pamiat o M. S. Kapitsy: ocherki, issledovaniia, razrabotki (Russian Oriental Studies in Memory of M. S. Kapitsa: Essays, Research, Developments. Moscow: Muravei Publ., 2001, pp. 9–34 (in Russian).
- Artemiev V., Urmanova A. Predvaritel'nye itogi arhitekturnogo issledovaniia Severnogo Gonura v 2007 godu (Preliminary results of the architectural researches of North Gonur in 2007). *Na puti razvitiia tsivilizatsii (On the Track of Uncovering a Civilization)*. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2010, pp. 172–203 (in Russian)
- Askarov A.A. DrevnezemIrdelcheskaia kultura epohi bronzy iuga Uzbekistana (Ancient Farming Culture of the Bronze Age in South Uzbekistan). Tashkent: Fan Publ., 1977 (in Russian).
- Bulatov M.S. Geometricheskaia garmonizatsiia v arhitekture Srednei Azii IX–XV vv. (Geometric harmonization in the architecture of Central Asia 9th–15th cent.). Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Vully C.L. Zabytoe tsarstvo (A Forgotten Kingdom). Transl. from English. Moscow: Nauka Publ., 1986 (in Russian).
- Dubova N.A. Tipy pogrebal'nykh sooruzhenii Gonur Depe (Types of funeral structures Gonur Depe). Arii stepei Evrazii: epoha bronzy I rannego zheleza v stepiah Evrazii I na sopredelnyh territoriiah (Arias steppes of Eurasia: the era of bronze and early iron in the steppes of Eurasia and in adjacent territories). Barnaul: Altay State University Publ., 2014, pp. 327–340 (in Russian).
- Karzev V.N. Zodchestvo Afganistana (The Architecture of Afghanistan). Moscow: Stroyizdat Publ., 1986 (in Russian).
- Kornienko T.V. *Pervie khramy Mesopotamii (The first temples of Mesopotamia).* St. Petersburg: Aletheia Publ., 2006 (in Russian).
- Kuzmina E.E. *Arii* put' na iug (Aryans the Path to the South). Moscow; St. Petersburg: Letnii Sad Publ., 2008 (in Russian).
- Litvinskii B. A., Pichikian I. R. Ellinisticheskii khram Oksa v Baktrii, luzhnyi Tajikistan (Hellenistic Oxus Temple in Bactria, South Tajikistan), vol. 1. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2000 (in Russian).

- Mamedov M.A. *Drevniaia arhitektura Baktrii i Margiany (Ancient Architecture of Bactria and Margiana)*. Ashgabat: Cultural Center of the Embassy of Iran, 2003 (In Turkmen).
- Margeron Zh.-K. Mari samobytnost' ili zaimstvovvaniia? (Mari originality or borrowing?). *Drevnyaya Ebla: Raskopki v Sirii (Ancient Ebla: Excavations in Syria).* Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 96–113 (in Russian).
- Masimov I. S. Zhiloy dom na Kelleli (Living house in Kelleli). *Pamiatniki Turkmenistana (Monuments of Turkmenistan*). Ashgabat, no. 2 (38), 1984, pp. 16–18 (in Turkmen).
- Masimov I.S. Novie issledovaniia pamiatnikov epohi bronzy na Murgabe (New research on the monuments of the Bronze Age on Murgab). *Drevnie tsivilizatsii Vostoka (Ancient Civilizations of the East)*. Tashkent: Fan Publ., 1986, pp. 171–181 (in Uzbek).
- Masson V.M. Fortifikatsiia Sredney Azii v bronzovom veke (Fortification of Central Asia in Bronze Age). Etnografiia i arheologiia Srednei Azii (Ethnography and Archaeology of Central Asia). Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 28–34 (in Russian).
- Masson V. M. *Pervie tsivilizatsii [First Civilizations*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1989 (in Russian)
- Masson V.M. Kulturogenez drevnei Tsentral'noy Azii (Genesis of Culture of Ancient Central Asia). St. Petersburg: State University Publ., 2006 (in Russian).
- Muradov R.G. Vklad V.I. Sarianidi v izucheniie arhitektury Drevnego Vostoka (V.I. Sarianidi's contribution to the study of the architecture of the Ancient East). *Na puti otkrytiia tsivilizatsii (On the Track of Uncovering a Civilization)*. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2010, pp. 103–119 (in Russian).
- Orazov A.T. Epoha bronzy v Margiane: stroitelnie materialy i konstruksii (Bronze Age in Margiana: Building Materials and Constructions). *Trudy Margianskoi arheologicheskoi ekspeditsii (Transaction of the Margiana archaeological expedition)*, vol. 6. Moscow: Staryi Sad Publ., 2016, pp. 224–231 (in Russian).
- Pugachenkova G.A. Svody v architecture luzhnogo Turkmenistana (The vaults in the architecture of Southern Turkmenistan).

- Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex exprdition), vol. VIII. Ashgabat: AN Turkmenskoy SSR Publ., 1958, pp. 218–182 (in Turkmen).
- Pugachenkova G.A. Zodchestvo Srednei Azii i Irana v istoricheskih sviaziah (The architecture of Central Asia and Iran in historical relations). Istoriia Iranskogo gosudarstva i kultury (History of the Iranian State and Culture). Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 237–245 (in Russian).
- Pugachenkova G.A. K tipologii monumentalnogo zodchestva drevnih stran sredneaziatckogo regiona (On the typology of monumental architecture of the ancient countries of the Central Asian region). *Iranica Antiqua*, vol. XVII. Gent: 1982, pp. 21–42 (in Russian).
- Razzokov F.A. Stroite'Inye komplrksy drevnezemledelcheskogo poseleniia Sarazm v IV-III tys. do n. e. (Construction Complexes of the Ancient Farming Settlement of Sarazm in 4th-3rd milleniums BC). St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture Publ., 2016 (in Russian).
- Ryl'nikova E.V. Sorazmernosti v arhitekture epokhi bronzy Mervskogo oazisa (Comparability in the architecture of the Bronze Age of the Merv oasis). *Arkhitekturnoe nasledstvo* (*Architectural heritage*). Moscow: NIITAG Publ., no. 41, 1996, pp.162–167 (in Russian).
- Sarianidi V.I. Issledovaniia pamiatnikov Dashlinskogo oazisa (Researches of settlements in Dashlu oasis). *Drevniaia Baktriia. Materialy Sovetskj-afganskoi ekspeditsii 1969–1973 gg. (Ancient Bactria. Materials of the Soviet-Afghan expedition 1969–1973*). Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 21–86 (in Russian).
- Sarianidi V.I. Drevnie zemledel'cy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoj ekspedicii 1969–1974 gg. (Anicient farmers of Afghanistan. Materials of the Soviet-Afghan expedition 1969–1974 years). Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Sarianidi V. I. Khram i nekropol Tillya-tepe (Temple and Necropolis of Tillya Tepe). Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian).

- Sarianidi V.I. *Drevnosti strany Margush (Antiquity of Margush country)*. Ashgabat: Ylym Publ., 1990 (in Turkmen).
- Sarianidi V.I. *Proishozhdenie iranskih hramov og*nia (Origin of the Iranian Temples of Fire). In: La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma, 1996, pp. 319–329 (in Russian).
- Sarianidi V.I. Temenos Gonura (Temenos of Gonur). *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History*), no. 1, 1997, pp. 148–168 (in Russian).
- Sarianidi V.I. Dvorets Severnogo Gonura (Palace of Northern Gonur). *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History*), no. 2, 2000, pp. 248–259 (in Russian).
- Sarianidi V.I. Tsarskiy nekropol na Severnom Gonure (Royal necropolis in Northern Gonur). *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History*), no. 2, 2006, pp. 155–192 (in Russian).
- Udeumuradov B.N. Drevnezemledelcheskie poseleniia Ajikuinskogo oazisa (Ancient Farming Settlements of Aji-Kui oasis). *Historical and Cultural Sites of Turkmenistan*. Ashgabat: Turkmen State Publidhing Service, 2011, pp. 205–213 (in Turkmen).
- Urmanova A. K probleme sooruzhenii tipa "kel'i" (On the Problem of the construction of the "cells"). *Trudy Margianskoi arheologicheskoi ekspeditsii* (*Transaction of Margiana archaeological expedition*). Moscow: Staryj sad, 2014, vol. 5. pp. 138–150 (in Russian).
- Frankfort H.-P. Tsivilizatsiia Oksa i problema indoariev v Tsentralnoi Azii (Oksus civilization and the Indo-Aryans problem in Central Asia). Arheologiyi i istoriia Tsentralnoi Azii v trudah frantsuzskih uchenyh (Archeology and history of Central Asia in the works of French scientists), vol. 1. Samarqand: IICAS Publ., 2014, pp. 85–161 (in Uzbek).
- Huff D., Shaidullaev Sh. B. Nekotoryie rezul'taty rabot Uzbeksko-germanskoi ekspeditsii na gorodishche Jarkutan (Some results of the Uzbek-German expedition to the Jarkutan site of ancient settlement). *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (History of the material culture of Uzbekistan)*, no. 30, 1999, pp. 19–26 (in Uzbek)
- Askarov A. A., Shirinov T. 1994. The "Palace", Temple, and Necropolis of Jarkutan. *Bulletin of the Asia Institute*, vol. 8, 1994, pp. 13–25.

- Baimatowa N. 5 000 Jahre Architectur in Mittelasien. Lehmziegelgewölbe vom 4./3. Jt. v. Chr. bis zum Ende des 8. Jh. n. Chr. (Archäologie in Iran und Turan, band 7). Mainz: Philipp von Zabern Publ., 2008.
- Brentjes B. *Die Stadt desYima, Weltbilder in der Architektur.* Leipzig: VEB E.A. Seemann Publ., 1981.
- Brentjes B. Das "Ur-Mandala" (?) von Daschly-3. Iranica Antiqua, vol. 18, 1983, pp. 25–49, tabl. 1.
- Chmelnizkiy S. Das problem der kultischen merkmale einiger altertümlichen bauten in Mittelasien. Actes du XIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Vol. 4. Bratislava: 1988, pp. 304–307.
- Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. (American School of Prehistoric Research Bulletin 42). Cambridge (MA.): Harvard University Press, 1994.
- Huff D. Djarkutan. Archaeological Research on Tepe VI. *The History of Material Culture of Uzbekistan*, vol. 31, 2000, pp. 58–69.
- Huff D. Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasien. Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn, 2001, pp. 181–197.
- Huff D. Urbanisierungsansätze in Zentralasien. Weg zur Stadt. Entwicklung und Formen urbanen Lebens in der alten Welt. Bremen: Hempen verlag Publ., 2005, pp. 82–120.
- Lamberg-Karlovsky C.C. The Bronze Age 'khanates' of Central Asia. *Antiquity*, vol. 68, no. 259, June 1994, pp. 398–405.
- Lamberg-Karlovsky C.C. The BMAC. Pivot of the Four Quarters: Temples, Palaces, Factories and Bazaars? *Sulla Via delle Oasi. Tesori dell'Oriente Antico*. Venezia: Il Punto Publ., 2007, pp. 88–101.
- Potts D.T. Elamite Monumentality and Architectural Scale, Osborne J.F. (ed.) *Approaching Monumentality in Archaeology*, ed. J.F. Osborne. Albany: State University of New York Press Publ., 2014, pp. 23–38.

- Rossi-Osmida G. *Adji Kui Oasis. The Citadel of the Figurines*. Vol. I. Venezia: Il Punto Publ., 2007.
- Rossi-Osmida G. *Adji Kui Oasis. The Citadel of the Figurines*. Vol. II. Venezia: Il Punto Publ., 2011.
- Salvatori S. 2007. About recent excavations at a Bronze Age site in Margiana (Turkmenistan). *Rivista di Archeologia*, vol. XXXI, 2007, pp.11–28.
- Sarianidi V. *Margiana and Protozoroastrism*. Athens: Kapon Publ., 1998.